

Л. В. Ковтырева, научный сотрудник
Государственной Третьяковской галереи

Икона игумена Германа

Поздние иконы, как правило, обделены вниманием исследователей и тех, кто осваивает иконописное дело. Это связано, отчасти, с мнением, что к XIX веку русская икона утратила лучшие свои черты. Отступление от традиций выразилось в пренебрежении древними иконописными канонами и потере той внутренней силы, которая питала древнее благочестие и была обусловлена глубиной веры.

Однако значение иконы, на наш взгляд, в большой степени определяется не эпохой, а, говоря современным языком, личностью иконописца и уровнем его готовности воспринять Божественный дар — выразить самые сокровенные образы духа. Для этого, помимо овладения техникой письма, знания традиции, требуется особая степень «устроения души» иконописца.

Церковное предание хранит имена святых подвижников древности, которые обладали даром искусного иконописания. Среди них преподобный Алипий Киево-Печерский, стоявший у истоков русской иконы, святой митрополит Московский Петр, преподобный Андрей Рублев, преподобный Антоний Сийский и многие другие. К сожалению, иконописные труды большинства из них дошли до нас только в предании. Подписные иконы в древности — большая редкость. Часто авторство той или иной иконы устанавливается на основании косвенных источников и потому имеет в значительной мере предположительный характер.

Тем отраднее факт обретения иконы с «автографом» подвижника веры начала XX века, судьба которого связана с обителью, имевшей славу Северной Оптиной — Зосимовой пустынь. Речь идет о старце, духовном наставнике известных деятелей Церкви и светского круга, игумене Германе (Гомзине)¹.

Обстоятельства «открытия» его иконы необычны уже тем, что произошло это в дни канонизации новомучеников

XX столетия, среди которых преподобный старец Алексей Зосимовский — ближайший сподвижник, спостник отца Германа, возраставший в обители под его духовным водительством и до поступления в монастырь двадцать восемь лет служивший в храме святителя Николая в Толмачах, что ныне при Третьяковской галерее.

Икона «Господь Вседержитель» (размер 1247x94 см), исполненная в технике масляной живописи на холсте, хранилась в фондах музея с 1931 года. При поступлении она была определена как произведение неизвестного художника начала XX века. В правом нижнем углу ее имеется авторская надпись: «*писана Зосимо пус 1909 г 24 авг*». Но имя автора, органично вписанное в орнамент нижнего поля, не привлекло к себе внимания, хотя читается без труда — *игумен Герман*.

Не вдаваясь в тонкости искусствоведческого анализа произведения, позволим себе только отметить каноничность образа. Она выразилась в традиционности иконографии и стремлении автора, используя приемы живописи маслом, тем не менее следовать византийской традиции темперного письма: имитировать коричневый с желтым оттенком санкирь, применять мягкое охрение с элементами «личного», «плавного» письма.

Какова же судьба этого образа?

Среди тех, кто почитал отца Германа, была Великая княгиня Елизавета Федоровна, основательница Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, ныне прославленная Церковью в лике преподобномучениц. Она неоднократно посещала Зосимову пустынь, о чем свидетельствует календарь — монастырский летописец. Среди прочих отмечен день 5 сентября 1909 года. На оборотной стороне иконы на верхней части подрамника имеется поблекшая чернильная надпись: «*В церковь святых Марфы и Марии в благословение от игумена Германа Смоленской Зосимовой пустыни, 6-го сентября 1909 г.*» Видимо, именно в этот свой приезд в монастырь Елизавета Федоровна получила икону в дар как благословение на открытие обители сестер милосердия. В нижней части слева на подрамнике пожелтевшая

¹ Канонизирован вместе со старцем Алексием Зосимовским на Юбилейном Соборе 2000 года.

бумажная наклейка с чернильной надписью даты «инвентаризации» иконы в обители сестрами: «Господь Вседержитель писана игуменом Германом пожертвована им обители 1909 года сент.8.» На другой же день, 9 сентября 1909 года, как известно, больничная церковь Марфы и Марии была освящена, живым свидетелем чего остается эта дошедшая до нас спустя почти 100 лет икона.

«...Воспоминание о Зосимовой пустыни для меня всегда дорого, я почерпаю у Вас спокойствие и духовное утешение. Прошу Ваших святых молитв за меня и мою обитель», — писала Елизавета Федоровна игумену Герману и братии монастыря в канун Рождества Христова в 1910 году¹.

Иконописание для отца Германа было неотъемлемой частью жизни. Он всегда поощрял это искусство, и при келии у него имелась маленькая мастерская. Первые уроки рисования он получил в десятилетнем возрасте в Москве. Его первые учителя — живописец Василий Яковлев, затем выпускник Академии художеств середины XIX века Иван Иванов.

Первый иконописный заказ — фамильная икона для родного брата, образ для церкви мученика Трифона.

Свой монашеский путь отец Герман начал в 1868 году в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой Лавры, основанном митрополитом Московским Филаретом. Исполняя в монастыре живописное послушание, подвижник выполнял практически весь объем реставрационных работ в пещерном храме. Кроме того, писал иконы на заказ.

Сам отец Герман в своих записках очень критически относился к тому, что делал: «Много икон написал я в жизни, да писал-то я плохо, неумело, — так, больше тщеславился да думал, что пишу хорошо, а на самом деле живописец я был плохой». Но эти иконы имели свои судьбы, об одной такой поведано в воспоминаниях: «...Находил свои иконы в разных городах и местах. Раз, помню, ехал я в Киев. Прихожу в женский монастырь, что против Киево-Печерской Лавры, там недалеко стоит монастырская часовня. Она была открыта. Я вошел, хотел свечку поставить. Смотрю, икона Черниговской Божией Матери. Подхожу ближе: Боже мой! Моя икона: в углу написано мое имя, 1887 год. Поставил я свечу и спрашиваю у монахини, почему на иконе Божией Матери привешены золотые и серебряные руки, ноги, голова. Она мне отвечает: «Потому что икона чудотворная». Боже мой! Моя икона, мною написана — и чудотворная!

— А кто ее писал? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает она нехотя².

По сведениям митрополита Вениамина (Федченкова), иконы игумена Германа были в Петербурге, Саратове, Чернигове, Нижегородской губернии, Кашине и, конечно, в Москве, например, в часовне преподобного Сергия на Ильинке. «Дошли» его иконы даже до Иерусалима, одна икона Черниговской Божией Матери была на Афоне.

В Гефсиманском скиту батюшка подвизался 30 лет. В 1897 году, будучи иеромонахом, принял назначение в Смоленско-Зосимову пустынь, где в 1916 году принял схиму и насельником которой оставался практически до ее закрытия в 1923 году. Ликвидация монастыря совпала со смертью прозорливого старца, предсказавшего это незадолго до своего ухода.

На протяжении всего жизненного пути, пока позволяли зрение и силы, отец Герман писал иконы. «Сразу можно узнать его кисть, — вспоминал епископ Арсений (Жадановский), — написанные им иконы внушают особенное молитвенное чувство...»³. С точки зрения иконописной традиции эти работы были выполнены поновому: в технике масляной живописи, на холсте. Но не стоит только поэтому отвергать и критиковать их. Каждый служит Богу, как и чем может. Праведная жизнь отца Германа, почитание его икон среди народа, чудеса, происходившие от них, являются лучшим свидетельством богоугодности его трудов.

² Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. М., 1997, с.73–74.

³ Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995, с.66.

¹ Журнал «К Свету» №14, б.м., б.г.